

Инь Шицзянь не знал, какое выражение лица у него сейчас было, но уж точно не самое пристойное.

Он легко кашлянул, чтобы скрыть неловкость:

— В таком легком наряде не боишься простудиться?

Заметив реакцию пожилого мужчины, Ци Лэ мысленно фыркнул, но на лице изобразил обиду.

— В пижаме неудобно, — он показал перевязанную руку, давая понять: я надел это только потому, что поранил руку и у меня не было выбора.

Услышав это, Инь Шицзянь почувствовал, как у него сжалось сердце, и все мысли пикантного толка тотчас вылетели из головы. Он торопливо перехватил правую руку Ци Лэ:

— Пойдем внутрь, я помогу тебе переодеться во что-нибудь потеплее.

Ци Лэ злорадствовал про себя, а снаружи изображал смущение:

— Едва ли это удобно...

— Как ни крути, это моя вина — плохо воспитал сына.

Сзади послышался щелчок — открывалась дверь в соседнюю квартиру. Инь Шицзянь заслонил малыша своим крупным телом и мимоходом аккуратно запахнул ворота его халата.

Ты-то хоть понимаешь, что плохо воспитал!

Мысленно выругался Ци Лэ, а вслух с трудом выдавил:

— Но я... мы прошлой ночью... — на полуслове он умолк.

Инь Шицзянь и без лишних слов понял, к чему он клонит, и его лицо залило невероятное смущение.

— Прости, прошлой нет, это я...

— Н-нет-нет, это не твоя вина! — выпалил Ци Лэ и тут же отвернулся, боясь, что в присутствии старика не удержится и рассмеется.

Однако в глазах Инь Шицзяня это выглядело так, будто Ци Лэ храбрится после потери невинности. Слыша, как тот целиком берет всю вину на себя, мужчина почувствовал себя еще более виноватым.

Он произнес со всей торжественностью:

— Я понесу ответственность.

Услышав это, Ци Лэ вдруг повеселел.

Ответственность? Ну что ж, тогда «отвечай» как следует!

Изобразив крайнюю растерянность, он запинкой проговорил:

— Но я же мужчина...

Инь Шицзянь перебил его:

— Я знаю, что ты мужчина. Как ни крути, прошлой ночью ты был пьян, а я — в полном рассудке. По закону я не буду возражать, если ты прямо сейчас сдашь меня в полицию.

Представьте себе каково это — когда мужчина переспал с тобой, а потом с благородным видом предлагает отвезти его в участок?!

Ци Лэ был просто повержен. Какова разница в возрасте, такова и пропасть в поколениях. Но подобное осознание со стороны старого хрыча мгновенно подкинуло ему в голову свежую идею.

Заметив жалкий вид Ци Лэ, Инь Шицзянь подтолкнул его в квартиру:

— Я помогу тебе переодеться в теплую одежду, в халате легко простудиться. — А еще в нем слишком много тела напоказ, и ему совсем не улыбалось, чтобы другие разглядывали его человека.

Квартира Ци Лэ была оформлена просто, в ней царили чистота и порядок. Говорят, степень аккуратности жилья отражает характер человека. Инь Шицзянь невольно сравнил ее с комнатой собственного сына — грязной и запущенной, — и не преминул покачать головой.

— Ты живешь один?

Ци Лэ опешил, колеблясь, стоит ли говорить ему правду.

Заметив его озадаченное и смущенное лицо, Инь Шицзянь улыбнулся:

— Не заставляй себя, я просто так спросил.

— На самом деле... — Ци Лэ опустил взгляд и приоткрыл рот, словно собираясь что-то сказать, но передумал.

Инь Шицзянь стоял очень близко. Когда Ци Лэ опустил глаза, его густые и длинные ресницы, похожие на щеточку, снова и снова проходились по струнам чужого сердца, всколыхнув волну сладкого томления.

Его так и подмывало от избытка чувств.

В следующую секунду всхлипывающий голос Ци Лэ заставил его сердце бешено затрепетать.

Рождение мастера драмы и белого лотоса

Дрожащим голосом Ци Лэ произвел на свет следующее:

— На самом деле Инь Юй тоже здесь живет... — в той комнате ведь до сих пор оставались вещи Инь Юя.

Он невольно порадовался, что во второй половине дня не успел выбросить барахло мерзавца, иначе сейчас не смог бы разыграть столь убедительный спектакль.

Лицо Инь Шицзяня помрачнело:

— Он живет в твоей квартире?

Неудивительно, что этот негодник и на выходные домой не показывался — оказывается, прятался здесь!

При мысли о том, что эти двое живут под одной крышей, лицо Инь Шицзяня сделалось еще более зловещим.

Ци Лэ вышел из спальни, прижимая к груди махровую пижаму, и шмыгнул носом:

— Инь... Инь-гэ, про-прости за беспокойство...

С этими словами он повернулся боком и притворно опустил голову, изображая стыдливую застенчивость.

Скромно склонив голову, Ци Лэ обнажил изящную, хрупкую шею, всю усыпанную теми самыми невозможно не заметить сине-багровыми следами — с точки зрения Инь Шицзяня картина выглядела именно так.

Мужчина невольно кашлянул, скрывая смущение, и, перехватив пижаму, встряхнул ее, временно заслоняя себе обзор.

Улучив момент и проявив поразительную расторопность, Ци Лэ единым движением развязал пояс халата и передернул плечами.

Халат послушно скользнул на пол. Инь Шицзянь, держа пижаму за нижний край и собираясь натянуть ее на голову парню, поднял глаза и замер: прямо перед ним стояло совершенно обнаженное тело, отчего кровь мгновенно ударила ему в голову.

Инь Шицзянь подумал, что это уж слишком будоражит.

Следом его тело отреагировало быстрее, чем мозг.

Вскинув руки с пижамой, он прямо нахлобучил ее Ци Лэ на голову с такой силой, что парня даже качнуло — поистине дико и грубо.

Ци Лэ увернулся, не давая надеть ее на себя, и демонстративно поскользнулся, с размаху влетев прямо в объятия Инь Шицзяня.

Инь Шицзянь среагировал почти рефлекторно и крепко обнял его.

Мужчина обладал немалой силой. Прильнув к его груди и прислушиваясь к гулкому, сильному биению его сердца, Ци Лэ криво усмехнулся в ту сторону, где тот не мог его видеть.

Омягчив тело, Ци Лэ полностью доверился Инь Шицзяню, а в голове у него всю щелкали костяшки невидимых счетов.

Он поднял голову и посмотрел на Инь Шицзяня — в его глазах читались капля застенчивости, искренность и детская непорочность.

— ...Твое... упирается мне...

Перед ним стоял человек без единой нитки на теле. Инь Шицзянь потер лоб: этот сорванец ведь издевается, да?

Ци Лэ сделал вид, что хочет встать, но вновь неосторожно оступился и рухнул прямо на Инь

Шицзяня.

Манящий донельзя человек оказался в его объятиях, и Инь Шицзянь на мгновение потерял почву под ногами. Оба они повалились на диван.

Дальнейшее развивалось несколько неожиданно.

Неизвестно, кто первым пустил в ход губы, но воздух постепенно раскалился до предела. К тому моменту, когда Инь Шицзянь опомнился, тормоза уже давно отказали.

Вдоволь погнав на предельной скорости, Инь Шицзянь все же сумел выжать тормоз.

Ци Лэ в полузабытии лежал на диване, а Инь Шицзянь прижимал его к себе.

— Мы снова... — Ци Лэ не имел сил сопротивляться и мог лишь покорно лежать в его объятиях.

Инь Шицзянь погладил его влажный от пот лбом:

— У тебя все еще жар.

Ци Лэ на мгновение замер, внезапно подумав, что сам он, пожалуй, чересчур падок на ласку.

Не зная, о чем тот думает, Инь Шицзянь мягко перебирал пряди на его лбу:

— Очень устал?

Ци Лэ покачал головой.

— Давай я искупаю тебя, м?

Инь Шицзянь поднялся вместе с ним на руках. Ци Лэ и сам чувствовал себя скверно во всем теле, поэтому кивнул.

В ванной Ци Лэ погрузился в волны приятно согретой воды.

— Тебе ведь двадцать в этом году, верно? — вдруг спросил Инь Шицзянь.

Ци Лэ пару секунд помедлил, а затем тихонько выдал:

— Угу.

Инь Шицзянь пристально заглянул ему в глаза и спросил:

— Не хочешь рассмотреть мою кандидатуру?

...Вот так просто?

Ци Лэ даже не сразу поверил, опустил голову и промолчал.

Инь Шицзянь не стал его торопить и аккуратно домыл парня.

Опытный гонщик безупречно водит

После душа стоило лишь прикоснуться к запретному плоду, как вкус его тут же заставил жаждать добавки.

Ци Лэ понесся по скоростной трассе без оглядки — наконец-то он понял, почему люди так любят гонять на бешеной скорости.

Это и правда безумно приятно и круто!

Во время перерыва в заездах Инь Шицзянь поднял Ци Лэ и напоил водой. Тот послушно пил, одновременно вращая глазами и размышляя, как претворить в жизнь свой план.

Не подозревая о его мыслях, Инь Шицзянь возвышался над ним подобно божеству.

Встретившись с ним взглядом, Ци Лэ протянул руки, прося обнимашек.

Зрелище было донельзя волнующим.

Инь Шицзянь собрал силы для новой вспашки.

Ци Лэ не успел и пикнуть, как издал тихий стон.

— Больно? — с трепетом целуя его, спросил Инь Шицзянь.

Ци Лэ внезапно озарило. Тихонько всхлипнув, он жалобно протянул:

— Рука болит...

Он едва не забыл о том, что у него травмирована рука!

Инь Шицзянь испугался, бережно взял его руку и осмотрел, полными боли глазами.

— Не защемил?

Во всем виноват этот паршивец-сын! Инь Шицзянь мысленно поставил сыну жирный минус.

А запертый в подвале Инь Юй тем временем громко чихнул два раза. Как раз пришел дворецкий и принес ему ночной перекус.

— Молодой господин, пора ужинать.

— Этот старый хрыч Инь Шицзянь! Сволочь, слов на ветер не бросает!

Здесь было темно и холодно — в обстановке, которую он ненавидел больше всего. Инь Юй яростно выругался, а затем пригрозил дворецкому:

— Только попробуй пожаловаться ему, что я его ругал!

Дворецкий лишь слегка улыбнулся и лично принялся кормить молодого господина ночным допайком.

Инь Юй злобно зыркнул на него, но послушно открыл рот.

— Молодой господин уже придумал, как извиниться перед молодым господином Ци? — поинтересовался дворецкий, продолжая кормить.

Инь Юй закатил глаза: при одной мысли о том, что придется извиняться перед Ци Лэ, его гордая голова никак не желала склоняться.

Даже теперь, когда он узнал, что Ци Лэ из семьи Ци, он все равно считал, что тот напрашивается на порку! Вот только воспользоваться шансом ему помешал отец, который прервал все на корню.

При воспоминании о том, что за это он еще и схлопотал от отца пощечину, Инь Юй почувствовал жуткую обиду.

Напрашивающийся на порку Ци Лэ жался к груди старого хрыча, надув губы и капризно выговаривая:

— Обними меня, и сразу перестанет болеть.

И без того будоражащая картина дополнилась тем, что Ци Лэ беззащитно раскинул руки в стороны, и сердце Инь Шицзяня мгновенно растаяло.

— Больше не будем. Мы больше не будем.

С этими словами он действительно прижал к себе Ци Лэ и замер.

Ци Лэ вытаращил глаза. Разве делами столь великой вселенской гармонии можно вот так просто взять и прекратить заниматься?! Он против остановки!

Лихорадочно перебирая в памяти найденные в сети методы соблазнения, Ци Лэ обнял его за плечи и прерывистым, тихим голосом произнес:

— Я... я хочу еще...

С этими словами он опустил голову, а его щеки покраснелись не хуже обезьяньих задниц.

Инь Шицзянь прищурился:

— Твоя рука точно в порядке?

— Ты вообще мужчина или нет?! — взбеленился Ци Лэ. Он же выразился предельно ясно, неужели Инь Шицзянь ослеп?! Взгляд Инь Шицзяня помрачнел:

— Руки не болят?

— Болят же... — заметив, что дело сдвинулось с мёртвой точки, Ци Лэ тут же включил режим прирождённого актёра. — Обними меня, в твоих объятиях как-то спокойнее...

Инь Шицзянь прищурился, разглядывая его, смутно чувствуя, что что-то здесь не так.

Однако Ци Лэ не позволил ему сомневаться, включил ручную коробку передач, и они снова помчались на полной скорости по скоростной магистрали!

В процессе Ци Лэ всё время всхлипывал, жалуясь на боль в руках. Инь Шицзянь из жалости останавливался, но Ци Лэ тут же требовал продолжения.

После пары таких кругов туда-сюда сердце Инь Шицзяня чуть не растаяло от его слёз.

После всего Ци Лэ устроился в объятиях Инь Шицзяня, шмыгая носом и изображая вид, готовый в любую минуту расплакаться.

Глядя на него, Инь Шицзянь испытывал бесконечную нежность и жалость:

— Руки всё ещё болят?

Ци Лэ покачал головой:

— Уже нет...

Какая к чёрту боль, он был просто на седьмом небе от кайфа!

После безумной гонки Инь Шицзянь прислонился к изголовью кровати, устроив Ци Лэ у себя на груди. Затем он поцеловал тыльную сторону ладони Ци Лэ, внимательно заглянул ему в глаза и произнёс со всей серьёзностью:

— Давай будем вместе. Отныне я буду о тебе заботиться и баловать тебя.

С того самого момента, как два года назад он впервые встретил Ци Лэ, он уже полностью отдал ему своё сердце и душу.

Ци Лэ замер — развитие событий шло так гладко, что он не смел в это поверить.

Заметив его широко раскрытые глаза, Инь Шицзянь подумал, что напугал его, и поспешно извинился тихим голосом:

— Прости, я слишком поспешил. Ци Лэ лукаво перевёл взгляд и решил испытать его.

— А ты меня любишь? — Для того, кого не любишь, это был смертельный вопрос, к тому же отличная возможность проверить искренность старого мужчины.

Инь Шицзянь прижал его руку к своей груди:

— Чувствуешь частоту моего сердцебиения?

Под ладонью ощущался крепкий, сильный стук сердца. Ци Лэ поднял взгляд на старого мужчину и услышал его низкий, хриловатый голос:

— Здесь у меня всё принадлежит тебе.

Ци Лэ: «.....» Этот старик мастерски сыпал слащавыми речами, и Ци Лэ не мог не признать, что действительно покраснел.

Инь Шицзянь крепче обнял его, устроившись подбородком у него на макушке:

— Давай после этого жить вместе, м?

С этими словами позиция Инь Шицзяня стала для Ци Лэ совершенно ясна, и он, опустив

голову, не удержался от хитрой улыбки.

Но всё же ему хотелось уточнить ещё кое-что:

— Но ведь я для Инь Юя...

— Вы уже расстались. — При упоминании имени сына лицо Инь Шицзяня омрачилось. — Кстати говоря, я ещё не сквитался с ним за то, что он тебя ударил.

Видя, что Инь Шицзянь действительно разозлился, Ци Лэ еле сдерживал смех.

— Не расстраивайся так, береги здоровье. Это я виноват, мне следовало...— Должен что? — И Шицзянь проявил невероятную властность. — С чего бы ему сметь тронуть тебя после того, как ты стал моим?

Ци Лэ тут же сориентировался по ситуации:

— Тогда выходит, я теперь старший по отношению к Инь Юю, и мне не стоит с ним возиться.

Слушая, как Ци Лэ напускает на себя солидный вид, Инь Шицзянь почувствовал невероятную нежность, и его уверенность в том, что этого паршивца дома нужно хорошенько проучить, лишь укрепилась.

После того как они открыли друг другу сердца, они, вполне естественно, снова оказались в постели.

На следующий день во второй половине дня Ци Лэ проснулся в некотором оцепенении. Всё тело ныло и расслабленно гудело, однако сам он был чистым и свежим.

Сидя на краю кровати и пытаясь прийти в себя, он чувствовал, как болят поясница и зад.

Прожив двадцать лет, он на собственном опыте понял, что значит выражение старый конь борозды не портит, стоило этому пожилому мужчине проявить жесткость.

Ци Лэ небрежно набросил пижаму и вышел из спальни. Гостиная представляла собой сплошной беспорядок, а из ванной доносился прерывистый шум льющейся воды — судя по всему, Инь Шицзянь принимал душ.

Разбросанная повсюду одежда их обоих выглядела крайне хаотично, и всё вокруг красноречиво свидетельствовало о вчерашнем безумстве.

Ци Лэ невольно мысленно отчитал себя, но тут в прихожей послышался какой-то шум.

Стоило двери открыться, как в поле его зрения появилось лицо Инь Юя.

Их взгляды встретились, и оба на секунду замерли.

Инь Юй заметил, что у Ци Лэ растрепаны волосы, а на шее виднеются едва заметные следы от поцелуев. Проследив за взглядом парня вниз, он увидел валяющиеся на полу вещи, которые не принадлежали ни ему, ни Ци Лэ.

Лицо Инь Юя помрачнело, и он медленно двинулся на Ци Лэ.

— Ты завел себе еще одну собаку? — сквозь зубы процедил Инь Юй. Он всё еще держал обиду на то, что Ци Лэ обозвал его собакой, а теперь, застигнув его с поличным прямо дома, разозлился еще сильнее.

— Ты настолько по мужикам соскучился?

Инь Юй схватил его за запястье, и Ци Лэ, как ни пытался вырваться, не смог освободиться — на коже от крепкой хватки остался красный след.

— Отпусти...

Ци Лэ оттолкнули на диван, и следы на его шее резанули глаза Инь Юю.

— Ах ты мерзкая тварь, да даже шлюхи не такие дешевые, как ты!

Едва эти слова сорвались с его губ, дверь ванной с грохотом распахнулась.

Дверь ванной с грохотом распахнулась, и оба человека на диване в гостинной испуганно вздрогнули.

Инь Юй обернулся:

— Дай-ка я посмотрю, что за блудный мужик...

Увидев, что отец стоит за его спиной с чернее тучи лицом, он мгновенно замолчал, и у него наотмашь подкосились колени.

В ту самую секунду, когда послышался звук, Ци Лэ изо всех сил уцепился за щеки, создавая видимость, будто его ударил Инь Юй.

Для пущей убедительности он даже слегка царапнул кожу ногтем. Инь Шицзянь услышал в ванной голос сына и на мгновение замер, а в следующую секунду до него донеслись грубые и скверные ругательства, слетевшие с губ Инь Юя.

Каждое слово ранило его сердце.

Охваченный яростью, он с размаху пнул дверь. Перед его глазами предстала картина: Инь Юй прижимает Ци Лэ к дивану. У последнего разорван воротник, обнажая покрытое следами поцелуев плечо.

На лице Ци Лэ еще виднелся красный след, глаза покраснели, в уголках стояли слезы, но он упрямо не позволял им пролиться.

Вид у него был явно такой, будто его жестоко обидели.

Гнев мгновенно завладел сердцем Инь Шицзяня. Он только-только сошелся с Ци Лэ, а этот ублюдочный сын явился устраивать беспорядок!

Он быстрым шагом направился к сыну и, не говоря ни слова, оттащил его в сторону и отвесил пощечину.

Инь Юй еще не успел прийти в себя от шока при виде отца, как его лицо обожгло ударом,

отчего он растерялся еще больше.

Не успел он опомниться, как пощечина Инь Шицзяня снова опустилась на его лицо.

Мужчина с мрачным выражением лица, храня молчание, отвесил Инь Юю две пощечины подряд. От его ударов тот рухнул прямо на диван, зажав лицо руками и вскрикнув: «Папа!»

Ци Лэ сжался на краешке дивана, в его взгляде мелькнула хитринка, но он тут же ее спрятал.

Он дрожащим, мягким голосом произнес:

— Господин Инь...

Глаза Ци Лэ были красными, на лице виднелись следы от ногтей, весь он сжался в комочек и выглядел крайне беспомощным.

И все это — из-за побоев и брани этого мерзкого сына! Инь Шицзяня одновременно охватили жалость и ярость.

Он подхватил с пола тапочку и со злости опустил ее прямо на спину сына!

— Папа! Папа! — Инь Юй то и дело уворачивался, но разве мог он противостоять отцовской силе? Отец схватил его за руку и оходил тапочкой несколько раз, так что парню оставалось только взвыть от боли.

Инь Шицзянь с черным лицом хранил молчание, полностью сосредоточившись на избиении сына.

Инь Юй, получая удары, метался по гостиной туда-сюда, точно дикая мартышка.

Ци Лэ наблюдал за этим со стороны, испытывая величайшее наслаждение.

Если бы не необходимость притворяться жалким, он бы сейчас непременно встал и продемонстрировал стойку на руках с бегом!

— Папа! Папа! Я виноват! Я во всем виноват! — отец преследовал его и лупил без разбора куда попадешь. Все тело Инь Юя ныло от боли, оставалось только молить о пощаде.

Услышав это, Инь Шицзянь стал охаживать его еще сильнее!

Когда он избивал и оскорблял Ци Лэ, почему-то не додумался, что виноват? А стоило получить тумаков самому, как сразу понял?!

Схватив Инь Юя за руку, он врезал ему тапочкой прямо по заднице.

В гостиной раздался оглушительный вопль.

В детстве Инь Юя никогда не били, не говоря уже о порке ниже спины.

Он просто остолбенел, и волна странного стыда захлестнула его с головой. Не успел он опомниться, как удар повторился.

— Папа...

Инь Шицзянь не собирался проявлять ни малейшей жалости. Сегодня он во что бы то ни стало заставит этого ублюдочного сына усвоить урок!

Еще два удара по заднице — от стыда и боли хотелось провалиться сквозь землю.

Получать от собственного отца порку на глазах у Ци Лэ — предел унижения для Инь Юя.

Вспомнив, что вчера отец запер его в подвале, он почувствовал себя еще более обиженным, и из глаз брызнули слезы.

Спустя добрых десятков минут избиения Инь Шицзянь немного перевел дух.

Инь Юй же забился в угол дивана и отчаянно тер глаза тыльной стороной ладони.

Он ни за что не позволил бы Ци Лэ увидеть его слезы — это же такой позор!

Увидев, как мерзавец получил порку, Ци Лэ чуть не рассмеялся.

К счастью, он сдержался, хотя выражение лица у него при этом было довольно комичным.

Переведя дыхание, Инь Шицзянь как раз посмотрел на него и заметил, что Ци Лэ хмурится с болезненным выражением на лице. Опустив взгляд ниже, он увидел, что тот прижимает к груди пострадавшую руку.

Его сердце внезапно сжалось: ведь только что, выходя из комнаты, сын как раз прижал руку Ци Лэ, и в памяти мгновенно всплыла вчерашняя картина, где Ци Лэ со слезами на глазах жаловался на боль.

Этот крошечный несчастный вид вызывал у него острую жалость.

Гнев вновь захватил разум Инь Шицзяня, и он снова занес тапочку над спиной сына.

Инь Юй вздрогнул от нового удара, открыл рот, собираясь запросить пощады, но его стащили с дивана, и его садвящая задница снова приняла на себя удар.

— Папа! А-а...

Инь Шицзянь ловко прижимал сына к полу, в его голове билась лишь одна мысль: сын покалечил Ци Лэ.

Его удары становились все жестче, заставляя Инь Юя ползти в сторону Ци Лэ.

— Ци Лэ! Лэ-лэ, спаси меня! — позабыв о всякой гордости, Инь Юй вцепился в бедро Ци Лэ: если тот не спасет его, отец забьет его до смерти!

Ци Лэ вздрогнул в тот момент, когда его обхватили — от этого парня его просто тошнило. После того как он увидел, как этот мерзавец милуется с любовником, его выворачивало от одного лишь вида Инь Юя.

Однако в глазах Инь Шицзяня это выглядело так, будто Ци Лэ испуганно вздрогнул.

Разъяренный мужчина отвесил ублюдочному сыну звонкую затрещину по голове.

— Лэ-лэ! — Инь Юй мертвой хваткой вцепился в ногу Ци Лэ.

Ци Лэ едва не тошнило от отвращения, а отделаться от пристава не получалось. Раз уж старый мужлан все равно ничего не видит, он попросту со злости пнул его в грудь.

<http://bllate.org/book/22315/2336610>